

Э.Р. Айвазова

ЖАНР ПИСЬМА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ «СПЕСТАТОР», «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА» И «ТРУТЕНЬ»)

Изучение литературных связей представляет собой, даже с учетом давнего и устойчивого интереса литературоведов к этому аспекту истории мировой литературы, одно из динамично развивающихся направлений современной науки о литературе. Многообразие конкретных форм этих связей обусловлено многоуровневостью художественного произведения и, соответственно, широким спектром параметров, по которым возможно сравнение различных литературных практик.

Представляется, что сравнительное изучение русской литературы приобретает особый смысл с учетом того обстоятельства, что формирование русского литературного самосознания протекало под могучим воздействием уже развитых к тому времени литератур Западной Европы. Русские писатели не могли не попасть под обаяние идей и форм, наработанных к этому времени английскими, немецкими, французскими писателями. Отсюда слишком часто делают вывод – в особенности это относится к западным же славистам – о вторичности и даже подражательности ранней русской беллетристики. Не ставя под сомнения серьезность оснований подобного рода соображений, следует заметить, что тем большую актуальность приобретают задачи определения причин, по которым русские литераторы обращались к определенным произведениям европейской литературы. Это позволит прояснить характер собственных, органичных для русской культуры потребностей, развитие которых обусловило становление в последующем русского классического романа, задавшего тон и направление художественных поисков теперь уже для западных «учителей».

В данной статье мы рассмотрим один из конкретных примеров активного влияния западной, в частности, английской публицистики на становление русской журнальной культуры. Обращение именно к этому материалу обусловлено, по большей части, изложенными выше соображениями, которые можно дополнить следующими. Журнальная литература, коль скоро она становится предметом специального анализа, дает богатую пищу для прояснения идейных, мировоззренческих переключек – при этом в стороне, как правило, остается формальная, конкретнее, жанровая сторона вопроса. В обширной статье крупнейшего специалиста по англо-русским литературным связям Ю. Д. Левина проблеме жанра в контексте влияния английской публицистики на русскую в XVIII веке внимания не уделено вовсе.

Мы намереваемся в самом общем виде поставить вопрос о формальных мотивах, регулировавших формирование жанровой системы русской

журналистики, поскольку именно на этом уровне можно надеяться, с нашей точки зрения, на выявление объективных закономерностей взаимодействия национальных литературных сознаний. Конкретный предмет исследования – причины популярности жанра письма в просветительской публицистике и своеобразии функционирования этого жанра, прежде всего, в русских журналах.

В научной литературе уже отмечалось, что дух Просвещения парадоксальным образом объединял и относительно отсталые страны Европы, и такие передовые во всех отношениях государства, как Англия. По мнению исследователей, эта общность объясняется отвлеченным, общечеловеческим характером ключевых проблем, вставших перед Европой в это время: «Русское просветительство – явление сложное и противоречивое. Тем не менее, при всех индивидуальных отличиях его деятелей и отдельных направлений, русская литература объединялась общими просветительскими по своей сущности чертами – стремление улучшить социально-политическое, нравственное и культурное положение народа и верой в то, что слово, убеждение могут оказать решающее воздействие. И английские периодические очерки более всего соответствовали этим целям» [4, с. 12].

Установлено, что наибольшей популярностью пользовался английский «Зритель» Аддисона и Стала: «Из всех английских периодических листков особой популярностью пользовался «Зритель», переводы из которого составляют более половины выявленных публикаций. Умеренные просветительские идеалы его издателей находили отклик в относительно широких кругах русского культурного общества и могли использоваться как радикальными, так и консервативными русскими изданиями XVIII века» [4, с. 12]. Автор наиболее обширного к настоящему времени исследования проблемы, подчеркивает также, что «...восприятие в России XVIII века английской просветительской журналистики было несравненно более широким, чем считалось раньше, причем осуществлялось оно как прямым путем, так и косвенно, через иноязычные переводы и переделки, преимущественно французские и немецкие» [4, с. 75].

Общечеловеческий характер проблем, входивших в ближайший кругозор просветителей, обусловил и общеэстетические приоритеты европейской публицистики XVIII века. Особый интерес просветители проявляли к аллегорическому способу выражения своих идей. Это пристрастие имело, вероятно, вполне рациональную подоплеку: «В условиях английской действительности начала XVIII в. и исторической обстановки, которая сложилась в Англии после «славной» революции 1688 г., требования доброжелательной сатиры с подчеркнутым отказом от обличения конкретных лиц диктовались той ситуацией политического компромисса, в сохранении которого журналисты-сатирики эпохи Реставрации видели свою главную цель. Этим обеспечивалась консолидация общественного мнения нации, столь нужная победившей буржуазии» [3, с. 122].

Соответственно, тяготение к аллегории объясняется в такой перспективе стремлением английской интеллектуальной элиты к формированию некоего личностного идеала, удовлетворявшего бы, с одной стороны, требованиям исторического момента, и, с другой – идеалу Просвещения: контролю разума на природой человека. Аллегорические обобщения вполне соответствовали этой задаче. Статьи, заимствованные из английского «Зрителя» «Всякой всячиной» и другими русскими журналами, по свидетельству Ю. Левина, в подавляющем большинстве случаев имели именно такой характер. Столь же близкой к поверхности, но не привлекавшей до сих пор особого внимания, является такая особенность просветительской журналистики, как предпочтение жанра письма, послания.

Ответ на это вопрос о причинах популярности жанра послания предполагает анализ двух субъектных позиций, внутренне присущих письму (посланию) в любом его проявлении: это позиции адресанта (автора) письма и позиция адресата. Обратим сначала внимание на русские журналы. По понятным причинам, мы ограничимся лишь двумя из них, но самыми знаменитыми, не в последнюю очередь – благодаря разгоревшейся между ними полемике. Это подконтрольная царице «Всякая всячина» и основанный Н. И. Новиковым «Трутенъ».

Первые письма «Всякой всячины» и «Трутеня» представляют собой – главным образом – автохарактеристики издателей: «Любезный читатель, предприял я сообщить вам все то, что мне за благо рассудится, безо всякого порядка. Иногда дам вам полезные наставления; иногда будете смеяться. Будут и такие времена, в которые ожидаю от вас удивления, также и попреканий; но на сии последние воистину не буду глядеть. И подобно как редкая плотина может остановить быстрое течение большой реки, так-то никакая препона не может меня отвратить от великого сего моего предприятия. Мне сказали мама {Кормилица.} и няня, как я был шести лет, что я умен; у меня есть ласкатели, кои то же ныне подтверждают, – ибо не у одних князей и бар, да у двора, найти сих животных можно. Сверх ума моего я заподлинно из опытов уверен, что у меня сердце доброе. Итак, надейтесь, господин читатель, что, купя мой труд, вы не вовсе потеряете свои деньги» [2, с. 128].

Издатель «Всякой всячины» позиционирует себя как, как минимум, небесполезного и осведомленного собеседника, ориентированного, однако на монолог. Принципиально иными представляются планы «Трутеня»: «И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием “Трутенъ”, что согласно с моим пороком и намерением: ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, но исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то и есть мое намерение» [6, с.3].

Сравнение этих введений с их очевидным прообразом: предисловием к первому выпуску «Зрителя» – приводит к выводу о том, что к родоначальнику более тяготеет версия Екатерины II: «Thus I live in the World, rather as a Spectator of Mankind, than as one of the Species; by which means I have made my self a Speculative Statesman, Soldier, Merchant, and Artizan, without ever meddling with any Practical Part in Life. I am very well versed in the Theory of an Husband, or a Father, and can discern the Errors in the (Economy, Business, and Diversion of others, better than those who are engaged in them; as Standers-by discover Blots, which are apt to escape those who are in the Game. I never espoused any Party with Violence, and am resolved to observe an exact Neutrality between the Whigs and Tories, unless I shall be forc'd to declare myself by the Hostilities of either side. In short, I have acted in all the parts of my Life as a Looker-on, which is the Character I intend to preserve in this Paper» («Таким образом, я обитаю в мире скорее как зритель, наблюдающий людей, чем как участник их жизни; благодаря чему становлюсь в мыслях своих и государственным мужем, и воином, и купцом, и ремесленником, не посвящая себя никакому определенному делу. Я прекрасно знаю в теории, как быть отцом или мужем, и могу указать неправильность в домоводстве, коммерции и прочих делах много лучше тех, кто ими занимается, подобно тому как досужий наблюдатель видит возможную ошибку, неведомую игрокам. Никогда не выказывал я пылкого пристрастия ни к одной из партий и намерен стоять в равном удалении от обоих станом, если виги или тори не вынудят меня нарушить нейтралитет какой-либо враждебной выходкой. Словом, всегда и везде я был сторонним наблюдателем, зрителем, коими и намерен остаться в сих заметках») [7, p. 38; пер. – 1, с. 245]

Сопоставление трех предисловий дает основание для вывода о том, что каждый издатели оценивает свое предприятие как востребованное обществом в большей степени, чем собственную инициативу. Кроме того, при внешнем сходстве предисловий «Всячины» и «Зрителя», более органично – если иметь в виду тенденцию позиционирования – рядом с эссе Аддисона выглядит вступление Новикова. А именно – образ «Трутня», не находящего в себе сил для деятельности, но в той же степени претерпевающего потребность в общественно значимой активности, как нам кажется, более близок парадоксальному образу сэра Роджера де Коверли, нежели расплывчатый образ самодовольного начетчика – издателя «Всячины».

Следует особо отметить роль литературной маски в судьбе просветительских журналов: «Аддисон и Стиль разработали целую галерею масок, членом небольшого клуба, которые собирались, чтобы порассуждать на самые замысловатые темы из области политики, литературы, философии, театра, светской жизни и т.д. Подлинной удачей стал образ “Зрителя” — сэра Роджера де Коверли, добропорядочного провинциального джентльмена, английского чудака, с любопытством вглядывавшегося в окружающий мир» [5].

Приведенное суждение обращает наше внимание на важность второй субъектной позиции, подразумеваемой жанром письма: позиции адресата. Именно ее своеобразие указывает как на существенное различие между английским и русскими журналами, так и на принципиальную общность их жанровой природы.

Целевые аудитории «Зрителя» и «Трутня» – «Всякая всячина» стоит несколько особняком – практически совпадают с «авторскими коллективами» этих журналов. Аддисон подробно описывает своих собеседников-соавторов в одном из первых номеров журнала. Новиков делает то же самое в отношении своих читателей-корреспондентов, с тем важным отличием, что его персонажи носят аллегорически содержательные имена – в резкое отличие от героев Аддисона. Мы согласны с точкой зрения тех исследователей, которые придают литературной маске едва ли решающее значение для успеха или неуспеха журнала. Мы полагаем, что просветительские журналы были призваны – может быть, порой и без воли создателей – не к распространению тех или иных идей, сколь угодно смелых или справедливых, а к учреждению в обществе качественно новой сферы общения, позволяющей человеку обнаружить собственную индивидуальность в рамках сословия ли, класса ли и т. п. Как ни парадоксально, эта тенденция была подхвачена и глубоко дифференцированным английским – в наше случае – обществом, и аморфным российским социумом.

Читатель «Зрителя» и «Трутня», благодаря специфической жанровой организации, опирающейся на жанр бытового письма, *потенциально являлся одновременно и адресантом и адресатом каждого текста* – эта композиционная особенность хорошо соответствовала просветительской сверхзадаче: формированию самопрозрачного сознания, способного в одиночку противостоять, порочным инстинктам. Очень вероятно, что неудача «Всячины» в полемике с «Трутнем» была предопределена не слабостью мысли или несовершенством риторики, а именно композиционным отличием: издатель «Всячины» претендовал на интеллектуальное доминирование, что отразилось и на структуре журнала.

Стало быть, ответ на главный вопрос этой статьи: почему жанр письма был столь популярным в век Просвещения? – в первом приближении звучит так: статус *участника переписки*, который автоматически присваивался каждому читателю журнала, наделял это виртуальное сообщество дорогим для просветителей свойством: в его пределах индивиды объединялись не внешней целью или сильной идеей, а причастностью к духу «самостоянья» (Пушкин).

Композиционные особенности просветительских журналов как органов формирования сферы общественного диалога, имели и весьма практические следствия. Две очевидные тенденции как бы пересекались в журнальной практике эпохи Просвещения как в Англии, родоначальнице журналистики, так и в России, более подражавшей и использовавшей готовые формы. Во-первых, подспудным фактором формирования формата публичной дискуссии был рост

гражданского самосознания. Это в равной мере относилось и к послереволюционной Англии, искавшей компромисса между аристократией и буржуазией, и к России, где о внятной классовой стратификации говорить не приходилось. Журналы были призваны обеспечить прозрачное пространство достижения социального компромисса. Второе обстоятельство прямо связано с первым, хотя и не столь очевидно в своих проявлениях. Речь идет о поиске образа, соответствующего идеалу просветительского компромисса. С учетом первого фактора, следует уточнить, что речь не об отдельном идеальном индивиде, герое, призванном стать образцом для подражания, а, скорее, об образе некоего сообщества нового типа, в рамках которого оказалось бы органичное соответствие участников этого сообщества идеальному компромиссу между разумом и натурой.

Журналы, как представляется при таком рассмотрении, были не только, а, может быть, и не столько рупорами просветительских идей, призванных создавать среду собеседования подчас враждующих и, во всяком случае, конкурирующих социальных слоев, сколько конкретной формой формирования «идеальных» сообществ, в пределах которых стало бы возможным свободное развитие того или иного нового типа личности.

Действенность синтеза этих тенденций обнаружилась в высшей степени конкретно-практически – и также двояко. Общественно значимый, обладающий ценностью личностный компромисс, на поиски которого в реальной жизни вдохновили просветительские журналы, оформился в виде двух видов, условно говоря, асоциальных сообществ: имеются в виду английские клубы и масонские ложи, возникшие именно в эпоху Просвещения. Собственно нравственный конфликт человеческой слабости и просвещенного разума находит своеобразное разрешение в идее английского клуба, собирающего чудаков. Чудак, носитель безобидного порока – член клуба, и масон, практикующий тайные добродетели – член ложи, являли собой конкретные примеры автономной социальности, парадоксальным образом недоступной ни сатире, ни нравоведению: бессмысленно, если не жестоко, исправлять чудака и смехотворно учить морали ее адепта.

Связь этой идеологии с журнальным миром очевидна: сообщество собеседников «Зрителя», в котором легко угадываются члены будущего диккенсовского Пиквикского клуба, и представляет собой именно клуб: в высшей степени оригинальное явление английского духа, не прижившееся, насколько можно судить, ни в одно стране мира, если иметь в виду его коренное свойство – покровительство *чужакам*: «Авторы «Зрителя», особенно Аддисон, немало писали о клубах, этом характерном явлении социальной жизни Англии. Они добродушно подсмеивались над чужаками, которые культивировались в некоторых клубах, гневно осуждали антиобщественные выходки, например, а клубе могоков..., но в принципе одобряли такого рода учреждения, считая, что они соответствуют природе человека как животного общественного, и приветствовали те клубы, духовной

основой которых было стремление людей к общению, а не фракционная обособленность» [4,52]. Интересно, что Екатерина, идеолог и автор «Всякой всячины», весьма симпатизировавшая позиции «Зрителя» как отрешенного от суетной критики наблюдателя нравов вообще, весьма резко не принимала клубной идеи: «... Статья же «Всякой всячины» имела целью вообще дискредитировать клубы, или, как они названы здесь, «собрания» [там же]. В этом мы видим косвенное подтверждение нашей мысли о причинах неудачи «Всячины» в полемике с «Трутнем». Важно напомнить, что издатель «Трутеня», Н. И. Новиков стал впоследствии одним из видных масонов России.

В данной статье мы сделали акцент на своеобразии письма как публицистического жанра ранней европейской журналистики. Полученные результаты, однако, обещают, как представляется, интересную перспективу изучения системы персонажей уже в рамках собственно художественной литературы, несомненно, претерпевшей серьезное влияние публицистической литературной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
2. Заповодов А. В. Русская литература XVIII века. 1770-1775. Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1979.
3. История русской журналистики XVIII-XIX веков / Громова Л.П., Ковалева М.М., Станько А.И., Стенник Ю.В. и др. Под ред. Грозовой Л.П. – СПб.: Издательство С-Петербур. ун-та, 2003 г.
4. Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII / Эпоха Просвещения. Сб. ст. – Л.: Наука, 1967. – С. 5-101.
5. Лучинский Ю. Очерки истории зарубежной журналистики / <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Gurn/luch/02.php>
6. Новиков Н. И. Избранные сочинения. – М.; Л., 1951. – 711 с.
7. The Spectator in 3 volumes. – Volume 1. – London, 1891. – 571 p.

АННОТАЦИЯ

Айвазова Э. Р. Жанр письма в английской и русской просветительской журналистике XVIII века (на материале журналов «Spectator», «Всякая всячина», «Трутеня»). В статье проведен сравнительный анализ жанровой структуры английских и русских сатирических журналов XVIII века. Целью анализа было установление причин особой популярности в сатирической публицистике того времени жанра письма. Установлено, что эпистолярная структура в равной степени свойственна как английскому, так и русскому журналу. Причину доминирования эпistolы в публицистическом дискурсе Европы восемнадцатого века автор усматривает в особой функции журналов:

учреждении виртуального сообщества, удовлетворяющего личностному идеалу Просвещения.

Ключевые слова: публицистика, Просвещение, эпистола, сатира, жанр.

АНОТАЦІЯ

У статті проведено порівняльний аналіз жанрової структури англійських і російських сатиричних журналів XVIII століття. Метою аналізу було з'ясування причин популярності в сатиричній публіцистиці того часу жанру листа. Встановлено, що епістолярна структура у рівній мірі притаманна як англійському, так і російському часопису. Причину домінування епістоли в публіцистичному дискурсі Європи вісімнадцятого століття автор убачає в особливій функції журналів: запровадженні віртуального співтовариства, що відповідало особистісному ідеалу Просвітництва.

Ключові слова: публіцистика, Просвітництво, епістола, сатира, жанр.

SUMMARY

The article conducts a comparative analysis of the generic structures in the 18th century Russian and English satirical journals. The task of the analysis is to determine why the genre of a letter enjoyed particular popularity in journalism of the time. The author demonstrates that epistolary structures were widespread in both English and Russian journals and suggests that the reason for the appeal of the epistolary form lies in the letter's capacity to establish a virtual community that corresponds to the Enlightenment idea of personal virtue.

Key words: journalism, Enlightenment, epistle, satire, genre.